

Всеволод Ганцов: жизнь после свинцового ливня

Автору этих строк — исследователю темы политического террора в СССР — кремлевская власть несколько лет назад запретила въезд на территорию Российской Федерации. Такие же проблемы были и у киевских публицистов Василия Овсиенко и Николая Хриенко. Абсурдное "наказание" творческих людей поначалу казалось смешным и, мягко говоря, странным. Так и подмывало сравнить руководящего чинушу, сидящего под рубиновыми звездами, с хрестоматийной собачкой, радовавшейся в известной басне Крылова: "Вот то-то мне и духу придает, что я, совсем без драки, могу попасть в большие забияки".

Однако со временем чудачества приобрили признаки диагноза: безумные планы вельмож соседнего государства — правонаследника СССР — вылились в агрессию против суверенной Украины. И тут уже недостаточно литературно-медицинских сравнений. Заглянем в историю — в печально известные времена, когда интеллектуальную и духовную элиту 1920—1930-х накрыл свинцовый ливень Большого террора. В риторике тогдашних большевистских оккупантов так же были до боли знакомые ярлыки — украинцев называли "националистами" и "фашистами"...

Редкое исключение в вакханалии массовых смертных казней 1937—1938 гг. — судьба ученого Всеволода Ганцова. Он отбывал наказание в Соловецкой тюрьме и чудом "прошел между пулями", не попав в расстрельные ямы Сандармоха, куда были сброшены многие его соотечественники и единомышленники. Впрочем, и этот "воскресший из мертвых" политзаключенный не спасся позже от медленного уничтожения, о котором свидетельствует, в частности, архивный документ, положенный в основу предлагаемой статьи. Письменное заявление В. Ганцова с просьбой о реабилитации, присланное в марте 1957-го председателю Президиума Верховного Совета СССР Клименту Ворошилову, разоблачает поразительное беззаконие и произвол власти, десятилетиями господствовавшей в империи — красной не только по цвету флага, но и по безвинно пролитой крови.

Успешному, перспективному ученому

ленинцы-сталинцы безжалостно сломали карьеру в конце 1920-х, когда его арестовали в сфабрикованном деле "Спілки Визволення України" ("СВУ"). Языковед от Бога, исследователь автографов Кобзаря, редактор академического Русско-украинского словаря (1925—1929), Всеволод Ганцов отбыл свой первый срок заключения — восемь лет — от звонка до звонка.

Долгое время его держали на беломорском острове в камере строгого режима Савватиевского политизолятора. На свободу он должен был выйти в августе 1937-го, но... Не выпустили и причины не объяснили. Тогда же началась пресловутая чистка исправительных учреждений (и, собственно, всей страны) от "контрреволюционеров". Особые тройки поспешно подписывали расстрельные протоколы и отправляли тюремные этапы на смертную казнь. Среди "соловчан", чью жизнь оборвали пули, известные писатели, ученые — аристократы духа Николай Зеров, Николай Кулиш, Лесь Курбас, Валерьян Пидмогильный, Степан Рудницкий, Матвей Яворский... Всеволода Ганцова обошла их лихая доля: его фамилию не внесли в протоколы (возможно, из-за письменных протестов узника, ответ на которые задержался из Москвы). Только в конце мая 1938-го, когда апогей массовых репрессий минул, украинцу объявили решение Особого совещания — добавили еще восемь лет лагерей за ту же самую "контрреволюционную деятельность".

Строки из биографии

Прежде чем цитировать заявление Всеволода Михайловича Ганцова, заглянем в его биографию. Родился 7 декабря 1892 г. в Чернигове. В 1916-м окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Академик Алексей Шахматов оставил талантливого выпускника при вузе профессорским стипендиатом на два года. Под руководством известного лингвиста Ганцов готовил научные труды по украинской и российской диалектологии и истории языка. С 1 октября 1918 г. его ожидала работа в Киевском университете, а с февраля 1919-го — в Украинской академии наук, где ученик Шахматова будет

постоянным членом и секретарем Комиссии по составлению академического Словаря живого украинского языка (будет руководить комиссией в 1920—1929 гг.).

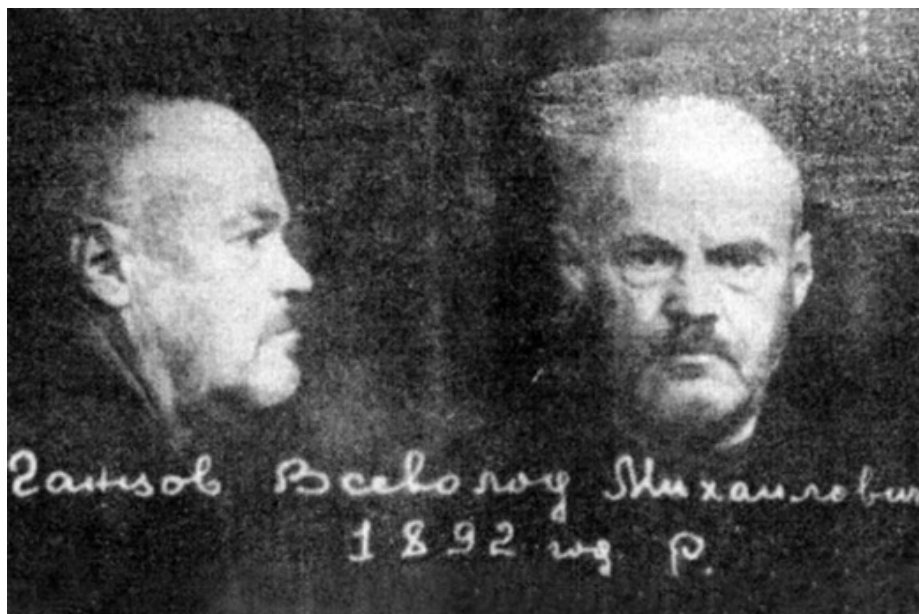
Научная карьера стремительно вознесла талантливого ученого на европейскую орбиту. С декабря 1927-го по февраль 1929-го Ганцов находился в командировке за рубежом — работал с профессорами Берлинского и Гамбургского университетов, в институте при Сорбонне в Париже. Участвовал в работе I Международного лингвистического конгресса в Нидерландах. Вернувшись в Украину, занимал должность профессора Киевского института народного образования, был научным сотрудником ВУАН. Его исследовательскую добросовестность и самоотверженность высоко ценил академик Агатангел Крымский. А по свидетельству академика Виктора Виноградова, от Ганцова как многообещающего ученого с широким научным кругозором "можно было ожидать трудов большого научного веса". Но, к сожалению, в лихие времена диктатуры большевистских парткомов не имели значения ни энциклопедические знания ученых, ни сама их жизнь.

В августе 1929-го Ганцову предъявили обвинение в причастности к мифической организации "Спілка Визволення України". На суде он заявил, что об этой организации никогда не слышал, а несколько его встреч с эмигрантами в странах Европы имели приватный характер. Однако чекистам и тогдашней "фемиде" был позарез нужен кто-нибудь на роль связника с "зарубежным центром "СВУ" (дескать, с этой целью Ганцов и использовал свою научную командировку). А дальше — лишение свободы на первые восемь лет...

"Не жди сподіваної волі..."

В 1938-м репрессированный обжаловал назначенное ему повторное наказание. В высочайшую прокурорскую инстанцию СССР Ганцов писал, что почти девять лет он безвыходно находится в условиях строгой изоляции, ничего контрреволюционного не совершил, ни одного дополнительного следствия в его деле не было...

Всеволод Ганцов: жизнь после свинцового ливня

Просил отменить постановление Особого совещания как нарушающее советскую законность. И лишь в январе 1940-го узник теперь уже Локчинского исправительно-трудового лагеря в Коми АССР получит ответ на свою жалобу: оснований для просмотра дела нет. Так что и второе наказание "недостреленный" отбудет от звонка до звонка. На свободу выйдет только в феврале 1946-го, проведя за решеткой и колючей проволокой 17 лет и четыре месяца.

Вернулся профессор из северных лагерей в Запорожскую область, где жила его 80-летняя мать и работала в агротехникуме сестра. Но вскоре, в поисках работы по специальности, он вынужден был снова податься с берегов Днепра к чужим понурым краям — на берега реки, которая по-русски так и называется — Серая (это в городе Александрове Владимирской области). Оттуда он отправился в Казахстан и снова вернулся в Александров. На непродолжительное время ему предложили должность внештатного сотрудника Института русского языка АН СССР, но в феврале в 1949-го снова бросили за решетку — во Владимирскую тюрьму. Следователь допрашивал Ганцова о том же, что и 20 лет назад. Арестант поинтересовался, почему его судят по старому делу. Уполномоченный, прибывший из Москвы, милостиво объяснил: "Если

бы мы могли инкриминировать вам что-то новое, мы бы вас судили и дали бы вам срок. А так вас высылают как социально опасный элемент".

И выслали профессора в Сибирь на неопределенный срок... В конце апреля 1950-го без вины виноватого отправили этапом через Горький и Киров в красноярскую пересыльную тюрьму. Оттуда пароходом — еще дальше на север, в поселок с характерным названием Караул. В Усть-Енисейском районе Таймырского национального округа ученый будет проживать до октября 1954-го как политпоселенец под гласным надзором, а потом еще почти два года будет работать старшим бухгалтером райзаготконторы.

"Всего в заключении и в ссылке на Крайнем Севере я провел более 22 лет, — написал Ганцов в Москву Ворошилову. — Эта тяжкая кара постигла меня за мои "преступления" и за принадлежность к организации "СВУ"... Лишь после суда из разговоров с другими моими сопроцессниками я узнал, что организации "СВУ" вообще никогда не существовало, что она была фиктивной. Все без исключения осужденные по процессу лица, в том числе и те, которым приписывалась роль лидеров... говорили, что организации "СВУ" не было, что они подтвердили возводимую на них

напраслину лишь потому, что вынуждены были к этому вымышленными показаниями других заключенных, данными под давлением следственных органов.

...Осуждение за принадлежность к организации, к которой я не принадлежал, и которой вообще не существовало, явилось для меня причиной полной жизненной катастрофы. Прервалась моя научная карьера. Более 20 лет моей жизни прошли в заключении, в ссылке и скитаниях. Все, что произошло со мной, всегда воспринималось мной как величайшая и совершенно незаслуженная несправедливость. Я всегда рассматривал себя и чувствовал себя не преступником, а жертвой беззакония. Сейчас я стар (мне идет 65-й год), я немощен и не имею средств к существованию. Все же мне отказано в назначении пенсии по старости из-за недостаточного стажа, а между тем почти восемь с половиной лет я работал в лагере и более шести лет провел на Крайнем Севере, где один год работы засчитывается за два года. Но мне говорят, что на меня северные льготы не распространяются"...

Интеллигент не требовал для себя чего-то заоблачного — просил лишь о реабилитации, отмене судимости и распространении на него "северных" льгот. И добавил в конце: "В настоящее время у меня нет документов, подтверждающих факт моего нахождения в заключении и в ссылке. Справка об освобождении из Усть-Вымского исправительного трудового лагеря 20 декабря 1946 г. была отобрана у меня 17 декабря 1949 г. в г. Александрове при вторичном аресте и возвращена мне не была. При выдаче мне паспорта Усть-Енисейским РОМ МВД Красноярского края 15 октября 1954 г. в пос[елке] Караул я также не получил никакой справки относительно прекращения ссылки, и мне не было сообщено, на основании какого указа или распоряжения я освобождаюсь от дальнейшей ссылки".

Впервые в президиуме

Осенью 1956-го Всеволод Ганцов вернулся в Украину. Жил в Чернигове, в однокомнатной квартире с племянницей покойной жены (ее свели в

Всеволод Ганцов: жизнь после свинцового ливня

могилу советские лагеря). Когда ученого пригласили в Ужгород на Всесоюзный съезд языковедов как почетного гостя, делегаты жали ему руку: "Вы — наш воскресший из мертвых учитель! Мы воспитываемся на ваших трудах!". В президиуме съезда он сказал председательствующему — внуку Льва Толстого, который возглавлял советскую лингвистику: "Вот — впервые сижу в президиуме...", на что тот ответил: "Зато смотрите, как вас все любят!". А попал на сцену бывший узник за свое блестящее выступление с дельными замечаниями к актуальному исследованию. Тогда делегаты устроили Ганцову пятиминутную овацию, после чего председательствующий обнял растроганного оратора и повел в президиум со словами: "Рад, несказанно рад, Всеволод Михайлович, вашему триумфу! Триумфу "украинского Шахматова".

Успех успехом, но средств к существованию у ученого почти не было. В январе 1957-го он послал письма генеральному прокурору СССР, назвав то, что с ним произошло после 21 августа 1937 г., сплошным беззаконием... Ответа, понятное дело, не дождался. Следующее заявление, как уже известно, написал Ворошилову.

Ничтожная пенсия

Именно так — ничтожной пенсией — назвал автор статьи в Википедии частично восстановленную справедливость: Ганцова в 1958-м реабилитировали только за 16 лет лагерей и ссылки, назначив ему мизерную пенсию по возрасту. Пятьдесят два (!) рубля в месяц как бывшему бухгалтеру.

А реабилитации в деле "СВУ" репрессированный так и не дожидается. Соответствующее решение пленум Верховного суда УССР примет только в августе 1989-го.

До последних лет жизни Всеволод Михайлович будет активно участвовать в лингвистических конференциях, готовить в печать научные труды. Упокоился он при "развитом социализме" (то есть во времена брежневского застоя) в 1979 г.

Похоронен в родном Чернигове.

Можно лишь горько сожалеть о том, чего не успел сделать в расцвете творческих сил этот чрезвычайно одаренный ученый. И такое же сожаление — невыразимое, вселенское — о сотнях тысяч крестьянских, рабочих, интеллигентских душ, которых накрыл в СССР свинцовый ливень коммунистического террора...

Политические авантюры и социальные взрывы, как учит история, неизбежно оборачиваются катастрофами жизненными... Пусть же знание прошлого красной империи и усвоенные уроки из новых захватнических намерений Кремля помогут нам проявить гражданскую зрелость, мужество и сохранить трезвый ум — чтобы вопреки отравляющей пропагандистской лжи новых оккупантов и навязчивому бряцанию оружием достойно выдержать трудные испытания нашего настоящего.

Сергей Шевченко
(1960)

Родился в Краматорске. Заслуженный журналист Украины. Ветеран военной службы, полковник запаса. Лауреат премии им. Ивана Франко.